

С. И. Григорьев, С. В. Куликов

**В. С. КРИВЕНКО
И МИНИСТЕРСТВО ДВОРА:
ЗАБЫТЫЙ МЕМУАРИСТ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ
ЗАБЫТОГО ВЕДОМСТВА**

1

2

1

2

Последние полтора десятка лет ознаменовались небывалой по своему масштабу публикацией мемуаров, отражающих историю России XIX — начала XX в. Среди их авторов появляются и незаслуженно забытые деятели, имена которых мало что скажут современному, даже вполне осведомленному читателю¹. К числу таких деятелей можно отнести и Василия Силовича Кривенко, чье мемуарное наследие представлено в полном объеме впервые только в данном издании. Большое научное значение наследия В. С. Кривенко определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, многолетняя служба автора проходила в Министерстве императорского двора — вероятно, самом закрытом высшем ведомстве Российской империи. Во-вторых, В. С. Кривенко занимал в царствование Александра III ответственнейший пост руководителя канцелярии министра императорского двора графа И. И. Воронцова-Дашкова. На этом посту в 1880-е годы он стал инициатором целого ряда административных реформ в Министерстве двора, призванных адаптировать архаичную структуру придворного ведомства к запросам современности — реформ, сегодня практически неизвестных даже специалистам-историкам. В-третьих, по должности находясь в самой гуще придворной жизни и, что еще более важно, являясь долгие годы доверенным лицом И. И. Воронцова-Дашкова, В. С. Кривенко был посвящен в такие тонкости взаимоотношений при дворе, о которых не знало большинство других мемуаристов — высокопоставленных сановников.

Предлагаемая читателю книга состоит из трех частей. Первая — «*Вдали от родных*» — мемуарный очерк В. С. Кривенко о годах ранней юности, проведенных в Петровском Полтавском кадетском корпусе², единственный раз опубликованный при жизни автора³. Вторую часть

¹ См. об этом: *Ганелин Р. Ш., Куликов С. В.* Основные источники по истории России конца XIX — начала XX в.: Учеб. пособие. СПб., 2000. С. 84–91.

² См. о нем: *Павловский И. Ф.* Исторический очерк Петровского Полтавского кадетского корпуса. (1840–1890): По офиц. данным. Полтава, 1890; *Ромашкевич А. Д.* Материалы к истории Петровского Полтавского кадетского корпуса. Полтава, 1904–1913. Ч. 1–10. См. также: *Греков Ф. В.* Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1910. М., 1910.

³ *Вдали от родных. (Из моих воспоминаний)*. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1895.

настоящего издания — «Юнкерские годы» — представляют воспоминания автора о 1-м военном Павловском училище, в котором он учился в 1870-е гг. Они также издавались только один раз⁴. Публикуемые ныне мемуарные очерки В. С. Кривенко представляют огромный интерес и сегодня, поскольку являются наиболее обстоятельными и объемными из всех воспоминаний об этих учебных заведениях, написанных и напечатанных во второй половине XIX в.⁵ Третью часть настоящего издания составляют воспоминания «В Министерстве двора», посвященные службе автора в Министерстве императорского двора в 1880–1890 гг.

Несмотря на исключительную ценность этого исторического источника, он до сего дня оставался вне научного оборота. Рукопись «В Министерстве двора», хранящаяся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, никогда прежде не публиковалась в полном объеме. Только небольшой ее отрывок вошел в сборник воспоминаний, изданный в 1994 г. Б. В. Ананьичем и Р. Ш. Ганелиным⁶. Между тем эти мемуары являются одним из главных источников личного происхождения для характеристики императора Александра III и его царствования⁷. По своей научной значимости воспоминания В. С. Кривенко должны, по нашему мнению, занять свое место рядом с таким широко известным и признанным историческим источником, как воспоминания генерала А. А. Мосолова⁸, которые уже выдержали несколько изданий. Долгое время эти мемуары, принадлежащие одному из преемников В. С. Кривенко на посту руководителя канцелярии Министерства двора, оставались единственным опубликованным источником частного характера, посвященным службе в данном ведомстве. Обошли его своим вниманием и специалисты-историки. Как же произошло, что Министерство двора практически выпало из поля зрения как современников, так и потомков? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к историографии Министерства императорского двора (МИДв). Для более полного представления о месте МИДв в отечественной истории рассмотрим его историографию в рамках общей историографии государственных учреждений Российской империи.

⁴ Юнкерские годы. 25 лет назад. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1898.

⁵ См.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннот. указ. кн. и публ. в журн. М., 1980. Т. 3. Ч. 2: 1857–1894 гг.

⁶ Кривенко В. С. Из рукописи «В Министерстве императорского двора» // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 34–36.

⁷ Опубликованные источники такого рода см.: Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001.

⁸ Мосолов А. А. При дворе последнего императора: Зап. нач. канцелярии министра двора. СПб., 1992.

Систематическое изучение государственных институтов началось в России с середины XIX в. Историки государственной школы отводили государству и его институтам центральное место в историческом процессе. Позднее изучением юридических аспектов российской государственности занимались историки русского права. Однако внимание исследователей того времени занимали, прежде всего, проблемы зарождения и формирования российской государственности в целом, иногда — история отдельных государственных и общественных институтов. История же высших государственных учреждений Российской империи (министерств, ведомств, комитетов) долгое время оставалась неразработанной. Тому было две причины. Первая, объективная причина, заключалась в существовавшем до 1905 г. фактическом запрете на публикацию исторических сочинений, рассматривавших историю России после 1725 г.⁹ Вторую, субъективную причину этого положения привел крупнейший отечественный исследователь истории государственных учреждений Н. П. Ерошкин: «Дореволюционная историография почти не затрагивала формы правления России <...>. Господствующие верхи не были заинтересованы в публичном освещении таинств управления даже в историческом плане»¹⁰.

В начале XX в., в связи со столетним юбилеем министерской системы в России, исследователи обратились к теме учреждения этой системы. Но последующая история большинства государственных учреждений по-прежнему оставалась вне научного поля. Единственной формой исторического изучения министерств в дореволюционной России были ведомственные издания, составляемые чиновниками к юбилейным датам. Данный вид исторических исследований имеет общий недостаток — их составители предпочитали воздерживаться от аналитического осмысления приводимой информации — возможно, следуя пожеланиям начальства. В тех же случаях, когда комментарии имелись, они естественным образом отражали официальную точку зрения на описываемые факты. Типичный для подобных трудов способ подачи исторического материала раскрыл составитель одного из таких изданий по истории МИДв, Н. Е. Волков: «Я излагаю в нем лишь факты, почерпнутые мною из дел Министерства и из всеподданнейших докладов, в историческом их освещении и

⁹ См. об этом: *Григорьев С. И.* Придворная цензура как инструмент создания образа верховной власти в Российской империи: юридический аспект // *Источник. Историк. История: Сб. науч. работ.* СПб., 2002. Вып. 2. С. 169–238.

¹⁰ *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. (Первая половина XIX в.). М., 1981. С. 7.

без всяких комментариев»¹¹. Можно предположить, что порой приводимая информация недостоверна — ведь она была закрыта от проверки сторонними исследователями. Тем не менее, вследствие высокой насыщенности таких изданий разнообразной (пусть и требующей проверки) информацией и отсутствия других исторических исследований, ценность данного вида источников представляется весьма высокой.

Министерство двора в этом ряду стоит особняком. Издания, посвященного его истории в целом, на протяжении всего существования этого института, не было опубликовано. Подобные труды появлялись только к юбилейным датам, а до своего столетнего юбилея (который наступил бы в 1926 г.) министерство «не дожило». Тем не менее, работы по истории министерства в целом (но охватывающие лишь определенный исторический период) неоднократно составлялись его служащими, хотя и не были изданы. Так, можно упомянуть «*Краткий очерк деятельности Министерства императорского двора в первое 25-летие благополучного царствования государя императора Александра II (19.02.1855–19.02.1880)*»¹², составленный П. Т. Кितिцыным в 1880 г.; «*Общий очерк к обзору деятельности Министерства Императорского Двора за время царствования в Бозе почившего Государя Императора Александра III (1881–1894)*», составленный А. Н. Коковихиным в 1901 г.; «*Очерк деятельности Министерства Императорского Двора и Уделов за время 1897–1907 гг.*»¹³, подготовленный Н. Е. Волковым в 1908 г. Составители этих работ рассматривали только институциональные изменения основных установлений министерства (в том числе и канцелярии МИДв). Весьма поверхностный характер этих работ, вызванный, как можно предположить, недостаточной исторической и литературной подготовкой их составителей, привел к тому, что они могут использоваться только как справочный материал. Выходили издания и к юбилеям отдельных учреждений в составе МИДв¹⁴.

¹¹ РГИА. Ф. 472 (Канцелярии Министерства императорского двора). Оп. 43. Д. 67. Л. 9.

¹² Там же. Оп. 66. Д. 256.

¹³ Там же. Оп. 43. Д. 67.

¹⁴ См., напр.: Столетие уделов. 1797–1897. СПб., 1897; История уделов за столетие их существования. 1797–1897. СПб., 1901–1902; Т. 1–3; 200-летие Кабинета его императорского величества. 1704–1904.: Ист. исслед. СПб., 1911; Обзор деятельности Кабинета его императорского величества за 1906–15 годы. Пг., 1916; Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. СПб., 1900; Юбилейная памятка конвойной стражи. 1811–27/III–1911. [СПб., 1911]; Бровцын В. П. 50-летие Кассы Министерства императорского двора 1864–1914 г.: Крат. ист. очерк. СПб., 1914.

Наиболее интересное в научном плане юбилейное издание — «200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904». Это — единственное опубликованное до революции в полном смысле историческое исследование одного из учреждений МИДв. Его авторы — В. Н. Строев, П. И. Варыпаев и А. Н. Коковихин — исследовали историю Кабинета как государственного института, делая акцент на финансовой стороне его деятельности. Всю историю Кабинета авторы разделили на два неравнозначных периода: 1704–1786 гг., когда Кабинет являлся учреждением общегосударственного значения, обладающим самой широкой компетенцией, и 1786–1904 гг., когда он был учреждением (сначала самостоятельным, затем в составе МИДв), ведающим только «Государево казначейство и Государевы имущества». Главной своей задачей авторы видели изучение первого периода: по их мнению, он представлял наибольший интерес, поскольку «роль Кабинета во втором периоде значительно сузилась и деятельность его направилась исключительно на изыскание средств для удовлетворения потребностей дворцового хозяйства и других расходов, исторически относившихся на Кабинет, а также на управление вверенными ему имуществами с целью извлечения из них доходов»¹⁵. Следствием такого подхода стала крайняя неравномерность распределения исторического материала: из девяти глав этого труда пять посвящены царствованию Петра I, и лишь одна глава (автор А. Н. Коковихин) — всей истории Кабинета после 1786 г. (т. е. 32 из 488 стр.). К тому же следует отметить, что исторический анализ в этой главе, на наш взгляд, значительно более поверхностен, чем в первой части работы. Тем не менее, содержащийся в данной работе фактический материал имеет большую научную ценность.

В послереволюционные десятилетия изучение истории высших государственных учреждений Российской империи практически не велось: внимание советской исторической науки было приковано к социально-экономическим проблемам. Возвращение к изучению их истории началось в конце 50-х гг., в рамках возрастания общего интереса к внутривосточной проблематике. Как подчеркивал один из первых советских исследователей истории госучреждений Г. М. Горфейн, она «является важной, представляющей самостоятельный интерес областью общей истории России, освещающей развитие организации и деятельность сложнейшего механизма, посредством которого самодержавное дворянско-бюрократическое государство осуществляло свои функции по управлению громадной страной и политику защиты интересов господствующих классов <...> В то же время история государственных учреждений имеет и большое

¹⁵ 200-летие Кабинета его императорского величества. С. VIII.

вспомогательное значение. Она — основа организации архивных материалов и надежное руководство при поиске среди них источников по самым разнообразным темам; к ней постоянно обращаются в ходе исследований для получения фактических сведений; она является важнейшим пособием при комментировании и публикации документов и т. д.»¹⁶. Н. П. Ерошкин обосновывал значимость данной области для советской исторической науки по-иному: «Государствоведческие аспекты помогают значительно расширить изучение исторических процессов, происходящих в социально-экономической жизни дореволюционной России, познать тот лагерь, который угнетал народные массы. Изучение политических институтов дореволюционной России имеет большое научное значение, помогает глубоко осмыслить особенности развития отечественной экономики, классов и классовой борьбы, революционного и общественного движения, внутренней и внешней политики дореволюционной России»¹⁷.

Сложившееся отношение властей отнюдь не способствовало росту исследовательского интереса к истории госучреждений. Г. М. Горфейн отмечал, что эта область «разрабатывается все еще слабо, большей частью попутно с решением других исторических проблем»¹⁸. Н. П. Ерошкин уже в конце жизни также писал, что «серьезным препятствием на пути создания глубокого обобщающего труда по истории государственных учреждений до 1917 г. является отсутствие исследований по истории подавляющего большинства высших, центральных и местных учреждений»¹⁹.

Со временем трудами Н. П. Ерошкина, П. А. Зайончковского, Ю. Б. Соловьева и др. был наработан огромный фактографический материал по общей истории государственного аппарата второй половины XIX в. Однако МИДв по-прежнему оставалось не изученным: советские историки лишь упоминали его в связи с какими-либо историческими сюжетами или конкретными персоналиями²⁰. Можно заключить, что в советское время изучение

¹⁶ *Горфейн Г. М.* Основные источники по истории высших и центральных учреждений XIX — начала XX вв. // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX в.: Сб. ст. Л., 1967. С. 73.

¹⁷ *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие. С. 3.

¹⁸ *Горфейн Г. М.* Основные источники. С. 74.

¹⁹ *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России: Учеб. для студентов, обучающихся по специальности «Историко-архивоведение». 3-е изд. М., 1983. С. 21.

²⁰ См., напр.: *Давидович А. М.* Самодержавие в эпоху империализма. (Классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). М., 1975. С. 181–183; *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 168–170; *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 48.

МИДв находилось на далекой периферии — не только советской исторической науки вообще, но и внутри данной области (истории госучреждений) в частности. Причина этого, по нашему мнению, могла заключаться в следующем. Вероятно, предполагалось, что в первую очередь должны изучаться структуры, лежавшие в основе материальной жизни государства и общества — т. е. составлявшие, по марксистским канонам, «базис» — финансы, экономика, промышленность. Области же, которые относили к «надстройке» — культура, идеология, религия и т. д. — в соответствии с господствующей доктриной ситуацию в дореволюционной России не определяли, а потому считались в советской историографии второстепенным направлением для изучения. Более того, научный интерес к изучению «надстройки» в то время был, вероятно, даже несколько подозрителен и требовал обязательной подстраховки. Обратим внимание на характерную ссылку на марксистскую догму, как бы оправдывающую научный интерес к этому направлению: «Экономика и социальные отношения находились в тесной связи с политической надстройкой страны: самодержавием, бюрократией, государственными учреждениями. Политика классов и классовых государств всегда опиралась на экономическую силу, но, возникнув на определенной экономической базе, политическая надстройка оказывала активное обратное воздействие на развитие экономического строя, содействовала этому развитию или, наоборот, задерживала его»²¹. На первый план здесь выдвигается доказанный «классиками» факт взаимовлияния базиса и надстройки в обществе — конечно, при сохранении непререкаемого приоритета экономики. Что же касается МИДв, то, возможно, действовала и другая негласная установка, в соответствии с которой его «реакционная эксплуататорская сущность» как государственного института представлялась настолько очевидной, что научная корректировка этого положения в том или ином направлении была несущественна.

Первым советским историком, обратившимся к изучению одного из учреждений, вошедших впоследствии в состав МИДв, стала Е. И. Индова, опубликовавшая работу по экономической истории дворцового хозяйства в XVIII в.²² Автор на большом документальном материале анализирует экономическое развитие дворцовых вотчин в различных регионах страны, изучает их финансовое положение, прослеживает происходившие в них социальные изменения. Данная работа, относящаяся

²¹ *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат. С. 3.

²² *Индова Е. И.* Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964.

к экономической истории, рассматривает то, что в советской науке называлось развитием производительных сил и производственных отношений — но в среде дворцового хозяйства. В одной из глав автор кратко касается и истории центральных учреждений дворцового аппарата, прослеживая всю властную вертикаль, от Главной дворцовой канцелярии в столице до низового вотчинного аппарата на местах.

Также к экономической истории относится и монография Г. П. Жидкова²³. Эта выдающаяся работа является единственной в советской историографии, специально посвященной истории учреждения в составе МИДв (хотя только одной из граней его деятельности). На основе материалов сибирских архивов автор анализирует историю землевладения российских императоров в Алтайском и Нерчинском округах, находившихся в управлении Кабинета е. и. в. Автор детально исследует земельную, переселенческую и фискальную политику Кабинета на подведомственных территориях, анализирует его хозяйственную и финансовую деятельность. Рассматривая институциональную историю Кабинета, Г. П. Жидков касается основных этапов истории всего министерства. Автор впервые вводит понятие функций МИДв, за каждую из которых отвечало определенное установление в его составе. Всего Г. П. Жидков выделяет четыре функции: представительскую, придворно-церемониальную, престижную и меценатскую, финансово-хозяйственную²⁴. Впервые в отечественной историографии в этой работе проводится различие между институтами удельного ведомства и Кабинета и разграничение их областей компетенции.

Первым историком, обратившимся к изучению МИДв в целом, как государственного института в рамках империи, стал Н. П. Ерошкин. Он так определил его место и значение в истории России: «Министерство императорского двора было важным звеном российского абсолютизма на той стадии его развития, когда слияние имущественных интересов и средств абсолютного монарха и государства было уже неприемлемым и потребовалось их более четкое разделение <...>. Создание Министерства императорского двора явилось, таким образом, тоже элементом общих процессов развития абсолютизма дореформенной России»²⁵. Отмечая особое положение МИДв в системе государственного управления, он подчеркивал прежде всего материальный аспект его деятельности: «Это

²³ Жидков Г. П. Кабинетское землевладение. (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973.

²⁴ Там же. С. 54.

²⁵ Ерошкин Н. П. Министерства России первой половины XIX века — фондообразователи центральных государственных архивов СССР: (Учеб. пособие для студентов ФАД Ист.-архив. ин-та). М., 1980. С. 74.

было административно-хозяйственное ведомство, обеспечивавшее наивысший материальный уровень жизни императора и всей императорской фамилии, позволявшее поддерживать в глазах подданных (особенно широких народных масс) и правительств других стран внешний престиж абсолютного, неограниченного монарха»²⁶. Впервые в советской историографии Н. П. Ерошкин привел полный перечень установлений в составе Министерства, но не рассматривал отдельно их функции и деятельность.

Выходившие в постсоветский период исторические энциклопедические издания²⁷ и монографии²⁸ содержали лишь краткие справочные данные по общей институциональной истории МИДв, не касаясь изучения деятельности отдельных установлений в его составе. Одно из исключений составила биографическая статья Д. И. Исмаил-Заде, посвященная И. И. Воронцову-Дашкову²⁹. Рассматривая период министерства И. И. Воронцова-Дашкова, автор касается и произведенных при нем в МИДв реформ. Другим исключением стала небольшая статья челябинской исследовательницы И. В. Несмеяновой, посвященная МИДв в целом³⁰. Автор кратко обозначает институциональное устройство МИДв: общие законодательные основы, его место в системе центрального управления, структуру министерства, основные направления деятельности важнейших установлений в его составе. И. В. Несмеянова упоминает и некоторые стороны его финансовой деятельности: приводит основные источники финансирования и данные о содержании министров по штатному расписанию. Несмотря на малый объем, данная статья имеет, на наш взгляд,

²⁶ Там же. С. 73–74.

²⁷ См., напр.: *Ерошкина А. Н.* Министерство императорского двора и уделов // Государственность России: Гос. и церков. учреждения, сослов. органы и органы мест. самоуправления, единицы адм.-территор., церков. и ведомств. деления (конец XV в. — февр. 1917 г.): Слов.-справоч. М., 2001. Т. 3. С. 79–80; *Панина А. Л.* Министерство императорского двора и уделов // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энцикл. М., 2000. Т. 3. С. 596.

²⁸ См., напр.: *Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991; *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России. XVIII — начало XX вв. СПб., 1999; *Раскин Д. И.* Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 5. С. 662–830.

²⁹ *Исмаил-Заде Д. И.* Илларион Иванович Воронцов-Дашков // Исторические силуэты. М., 1991. С. 20–62.

³⁰ *Несмеянова И. В.* Управление императорским двором в XIX веке // Вестник Челябинского университета: Науч. журн. Серия 7. Государственное и муниципальное управление. 1998. № 1. С. 59–65.

большую научную ценность, вследствие своей информативной насыщенности. Касаясь функций основных установлений в составе министерства, автор упоминает и канцелярию МИДв, отмечая, что она «являлась одним из важнейших общих установлений, решавших вопросы административного характера по всем учреждениям МИДв», а в ее компетенцию входила также деятельность министерства как придворного ведомства³¹.

Историографическая ситуация стала меняться только в последние годы. Отправной точкой стало издание третьего тома коллективного труда «*Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917*». Впервые в отечественной историографии в нем была представлена исчерпывающая справочная информация не только по МИДв в целом, как государственному институту, но и по каждому из установлений, в разное время входивших в его состав. Канцелярии МИДв в нем посвящена отдельная глава³², в которой детально рассматривается ее структура, функции и области компетенции подразделений, персональный состав руководства.

В настоящее время изучением Министерства двора как государственного института занимаются оба автора этих строк, каждый со своей стороны. В центре внимания С. И. Григорьева — идеологическая функция МИДв, реализовавшаяся через ведомственную придворную цензуру. Изучая деятельность придворной цензуры по формированию и репрезентации образа верховной власти, автор рассматривает и общую институциональную историю МИДв, в частности, анализирует организационную структуру и кадры канцелярии МИДв, в составе которой функционировала придворная цензура³³.

³¹ Несмеянова И. В. Управление императорским двором в XIX веке. С. 61.

³² Высшие и центральные государственные учреждения России, 1801–1917. СПб., 2002., Т. 3. С. 146–166.

³³ Григорьев С. И. 1) Придворная цензура как инструмент создания образа верховной власти в Российской империи: юридический аспект // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. СПб., 2002. Вып. 2; 2) Канцелярия Министерства императорского двора как государственный институт // История повседневности. Сб. науч. работ. СПб., 2003; 3) Институт цензуры Министерства императорского двора // Государственный аппарат и реформы в России: К 200-летию министерской системы: (Материалы междунар. науч. конф. 24–25 окт. 2002 г.). СПб., 2003; 4) Институт цензуры Министерства императорского двора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003; 5) Придворная цензура и печатная реклама // СМИ–2004. Средства информации в современном мире: (Тез. науч.-практ. конф. 21–22 апр. 2004 г.). СПб., 2004; 6) Царская PR-служба // Советник. 2004. № 10; 7) Придворная цензура в царствование императора Николая I // Новая политическая история: Сб. науч. работ. СПб., 2004; 8) Изменения в титуловании носителей верховной власти Российской империи (по мате-

Интересы С. В. Куликова сосредоточены на изучении персонального состава придворного штата конца XIX — начала XX в., его социально-значимых характеристик (сословное происхождение, образовательный ценз, имущественное положение и т. д.) и связей с предпринимательством, а также механизмов формирования штата. Им рассматриваются проблема взаимодействия монарха со своим официальным (двор) и неофициальным (камарилья) окружением, политическая неоднородность придворного штата, мотивация и тактика поведения царедворцев³⁴.

Итак, можно заключить, что в историографии — как отечественной, так и зарубежной — до настоящего времени не существует ни одного специального исследования, посвященного ни Министерству двора в целом, ни Канцелярии МИДв в частности. В связи с этим представляется целесообразным хотя бы кратко очертить основные этапы истории этих учреждений,

риалам придворной цензуры) // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Материалы IV Междунар. науч.-теорет. конф., Санкт-Петербург, 24 дек. 2004 г. СПб., 2004; 9) Придворная цензура предметов широкого потребления // Цензура и доступ к информации: история и современность: Тез. Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 16–18 марта 2005 г. СПб., 2005; 10) Придворная цензура — последняя ведомственная цензура Российской империи // Цензура в России: история и современность: Сб. науч. тр. СПб., 2005. Вып. 2.

³⁴ Куликов С. В. 1) Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5; 2) Высшая бюрократия России в годы Первой мировой войны (1914–1917): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999; 3) Высшая царская бюрократия и императорский двор накануне падения монархии // Из глубины времен. СПб., 1999. Вып. 11; 4) Император Николай II в годы Первой мировой войны // Английская набережная, 4: Ежегодник С.-Петербур. науч. о-ва историков и архивистов. СПб., 2000; 5) Правительственный либерализм нач. XX в. как фактор реформаторского процесса // Империя и либералы. СПб., 2001; 6) «Необычайно презрительное отношение к самой промышленности и торговле». Придворные и предприниматели в нач. XX в. // История глазами историков: Межвуз. сб. науч. тр., посвящ. 70-летию д-ра ист. наук, проф., зав. каф. Рос. истории СПбГАУ Евгения Романовича Ольховского. Пушкин, 2002; 7) Придворный штат и частное предпринимательство в начале XX в. // Страницы российской истории: проблемы, события, люди: Сб. ст. в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003; 8) Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка, 1914–1917. Рязань, 2004; 9) Камарилья и «министерская чехарда». Соотношение вербальных и бюрократических практик в позднимперской России // Новая политическая история: Сб. науч. работ. СПб., 2004; 10) Русские немцы в составе императорского двора и высшей бюрократии: коллизия между конфессиональной и национальной идентичностями в нач. XX в. // Немцы в государственности России. СПб., 2004; 11) «Наш Друг сказал». Г. Е. Распутин и «министерская чехарда» // Родина. 2005. № 3.

предшествовавшие административным реформам МИДв 1880-х гг., в которых принял активное участие В. С. Кривенко.

МИДв было учреждено 22 августа 1826 г. именным высочайшим указом императора Николая I. Оно объединило все существовавшие к тому времени части дворцового управления — придворные конторы и дворцовые правления, Кабинет его императорского величества и Департамент уделов. Каждая из этих частей прежде — и в административном, и в хозяйственном смысле — была совершенно самостоятельна. Они имели коллегиальное устройство: в подчинении их руководителей, именованных президентами, состояли особые присутствия (коллегии), которые принимали решения на общих собраниях путем голосования. Президенты пользовались правами главноуправляющих отдельными ведомствами и получали все указания по своей текущей деятельности непосредственно от императора. Результатом такого положения была все углублявшаяся со временем автономность и, как следствие, рассогласованность придворных учреждений: «отдельные действия контор, не имея общей связи в высшем заведывании, производили различные последствия. Каждая из них не соотносилась ни с общими потребностями, ни с общими способами императорского двора. Хозяйство не имело особой системы, но велось в самых разнообразных видах и без правильной отчетности»³⁵. Таково было мнение В. Ф. Адлерберга, занимавшего пост министра двора в 1852–1870 гг. В этом видел основную причину организации нового государственного института и известный отечественный исследователь истории государственных учреждений Н. П. Ерошкин: «Для установления большей согласованности и хозяйственной эффективности деятельности отдельных административно-хозяйственных учреждений, обслуживающих императорскую фамилию, Николай I прибег к их централизации»³⁶.

С самого начала новое министерство заняло совершенно особое положение в ряду прочих высших ведомств империи, а министр двора (первым этот пост занял князь П. М. Волконский (1826–1852) — в общем порядке государственного управления: «Министр императорского двора имеет состоять под собственным ведением государя императора; следственно, во всех своих деяниях отчет дает токмо его императорскому величеству, равно и все повеления получает от его величества, а другое никакое правительство никакого отчета по делам, вверяемым его распоряжению, требовать и предписаний по оному чинить права не имеет»³⁷. Таким

³⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 711. Л. 1.

³⁶ Ерошкин Н. П. Министерства России первой половины XIX века. С. 70–71.

³⁷ ПСЗ II. Т. 1. № 541. П. 2.

образом, МИДв не зависело от Правительствующего Сената, которому, как верховному учреждению, подчинялись в порядке суда, управления и исполнения все прочие учреждения Российской империи³⁸. В то время как все государственные учреждения получали от Сената указы и были обязаны отчитываться перед ним представлениями, рапортами и доношениями³⁹, МИДв получало только копии с определений Сената, передаваемые министру двора лично обер-прокурором⁴⁰. Никакие претензии на действия и распоряжения министра двора не подлежали обжалованию обычным путем, через Сенат, и могли подаваться только на высочайшее имя. Аналогичным образом был устроен и финансовый контроль за деятельностью МИДв. Все входящие в его состав учреждения не подлежали ревизии Государственного контроля. За законностью и правильностью всех операций по приходу, расходу и хранению финансовых средств следило особое установление в составе самого министерства — Контроль МИДв⁴¹.

Другой особенностью МИДв, выделяющей его из ряда прочих министерств империи, была территориальная локализация: все основные органы нового министерства находились в столице. Следствием этого стало фактическое отсутствие вертикально-территориальных связей на общеведомственном уровне⁴². В отличие от других общегосударственных ведомств, таких как Министерства внутренних дел, путей сообщения или юстиции, МИДв в целом не имело никаких полномочных представительств вне столицы, не преследовало какой-либо ведомственной политики на местах, а потому не стремилось и к контактам с губернаторами. В этом смысле можно сказать, что МИДв не являлось общегосударственным ведомством, будучи скорее административно-хозяйственным

³⁸ Учреждение Правительствующего Сената. Т. 1. Ч. 2. Изд. 1886 г. СПб., [1886]. Ст. 1.

³⁹ Там же. Ст. 194.

⁴⁰ Там же. Ст. 193.

⁴¹ Общий очерк к обзору деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего императора Александра III. 1881–1894 / Сост. А. Н. Коковихин. СПб., 1901. С. 13–14.

⁴² Подобными представительствами позднее располагали отдельные установления МИДв, такие как Управление уделов (дворцовые хозяйства в Крыму, Польше и др.) и Кабинет е. и. в. (земельные управления в Алтайском и Нерчинском краях). Однако связи этих подразделений с центральными установлениями носили исключительно хозяйственный характер, а сами упомянутые установления МИДв являлись наиболее обособленными и закрытыми в рамках министерства.

подразделением, возведенным в ранг министерства из-за высокого статуса обслуживаемого объекта (императорской фамилии).

Роль канцелярий в системе управления, созданной в столь сильно централизованном государстве, как Российская империя в XIX в., была исключительно высока. Причиной тому стала единственно возможная в то время технология канцелярского делопроизводства: фиксирование информации на бумажных носителях, особенности ее обработки, переписки, транспортировки и, главное, неразрывная связь делопроизводства с общей системой государственного контроля. Все это неизбежно выдвигало канцелярии на центральные места в бюрократических структурах того времени. Канцелярия МИДв была учреждена одновременно с министерством, 22 августа 1826 г. Ее прообразом послужила существовавшая прежде Канцелярия по придворной части. Канцелярия стала общим центральным установлением МИДв, «с подчинением ведомству ее всех дел, относящихся до придворных управлений»⁴³. Ее директор назначался и увольнялся именным высочайшим указом, прочие чины — самим министром двора.

После смерти первого министра двора П. М. Волконского император Николай I предпринял разделение МИДв на два самостоятельных ведомства. 30 августа 1852 г. был назначен новый министр двора, В. Ф. Адлерберг, и одновременно из состава МИДв выделено новое Министерство уделов, во главе которого оказался граф Л. А. Перовский, возглавлявший ранее (с 1828 г.) Департамент уделов⁴⁴. После смерти Л. А. Перовского эти институты 24 ноября 1856 г.⁴⁵ снова объединились в один, получивший отныне наименование Министерства императорского двора и уделов. В этом едином качестве и под данным наименованием министерство просуществовало до 1917 г. Каждое установление в составе МИДв несло определенную функцию; все вместе они составляли функции МИДв как государственного института. Основными из них были: финансово-хозяйственная, административно-организационная, церемониально-представительская, культурно-меценатская и идеологическая.

В первые десятилетия существования МИДв постепенно определялись состав, компетенция («предмет ведомства») и направление деятельности («образ действия») учреждений, входивших в министерство. Министр дво-

⁴³ РГИА. Ф. 472. Оп. 6. Д. 256. Л. 9–10.

⁴⁴ Существует версия, что это было сделано императором во избежание конфликта между Л. А. Перовским и В. Ф. Адлербергом (см.: Отечественная история. Т. 3. С. 596).

⁴⁵ ПСЗ II. Т. 31. № 31166.

ра В. Ф. Адлерберг отмечал, что в этот период «предприняты были различные меры к устройству <...> частей министерства, в особенности же по введению должного порядка вообще в хозяйстве и отчетности. Сокращение вообще личного состава, упразднение излишних должностей, разного рода мастеровых команд и заведений и распределение денежных сумм соответственно действительным потребностям императорского двора — составляли конечную цель министерства»⁴⁶. Тем не менее, как признавалось впоследствии в официальном «Кратком очерке деятельности Министерства императорского двора в первое 25-летие благополучного царствования государя императора Александра II», составленном юрисконсультлом МИДв П. Т. Кितिцыным в 1880 г., эта цель в полной мере так и не была достигнута: к концу царствования Николая I министерство «не имело окончательной стройной организации»⁴⁷.

После воцарения Александра II Министерство двора, согласно желанию императора, явилось одним из первых примеров гласности для российского общества. В 1856 г. впервые был законодательно закреплён состав учреждений, входящих в МИДв⁴⁸, одновременно вышел в свет отчет о финансовой стороне его деятельности⁴⁹, а с 1859 г. стали издаваться ежегодные списки чиновников министерства. Министр двора В. Ф. Адлерберг надеялся в скором времени сделать свое министерство образцом для других ведомств и в плане рациональной организации управления. Главным условием для этого был окончательный отказ от прежних архаических порядков в министерстве, прежде всего коллегиального управления, не соответствующего современным условиям. Оно подлежало упразднению, поскольку и ранее, как полагал В. Ф. Адлерберг, «в сущности <...> составляло лишь наружную форму, ибо все распоряжения зависели от президента, который действовал по собственному своему усмотрению или же по высочайшим указаниям»⁵⁰. Тем не менее, в царствование императора Александра II министрам двора так и не удалось решить основные проблемы в управлении, стоящие перед ними с самого образования министерства: не было достигнуто организационное единство в структуре ведомства и не была построена внутренняя вертикаль власти. Можно предположить, что данные задачи остались невыполненными по

⁴⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 711. Л. 5.

⁴⁷ Там же. Д. 256. Л. 1.

⁴⁸ ПСЗ II. Т. 31. № 31166.

⁴⁹ Расписание доходов и расходов Министерства императорского двора и уделов в 1857 году. [СПб., 1856].

⁵⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 711. Л. 2.

объективным причинам. Многогранность деятельности МИДв; обилие замкнутых, самостоятельных установлений, связанных между собой только общим верховным руководством (в лице министра двора); практическое отсутствие горизонтальных связей между этими установлениями (в силу их реальной ненужности); наконец, безусловный приоритет хозяйственной деятельности, направленной на всемерное обеспечение разнообразных нужд определенной группы лиц (что лишало руководство министерства возможности подчинить ведомство какой-то единой задаче) — все это делало идею создания «стройной» системы управления МИДв в то время принципиально невозможной. Попытку создать такую систему и предпринял В. С. Кривенко.

* * *

Несмотря на неординарность личности В. С. Кривенко, ему посвящена лишь небольшая статья в словаре русских писателей⁵¹. Поэтому следует остановиться подробнее на биографии этого разносторонне одаренного человека. Василий Силович Кривенко родился 19 марта 1854 г. в селении Дешлагар в Дагестане. Он происходил из дворян и был сыном офицера, что определило его выбор жизненного пути. В 1871 г. В. С. Кривенко окончил Петровский Полтавский кадетский корпус и переехал в Петербург, где поступил в 1-е военное Павловское училище. Через два года он был выпущен из училища в чине подпоручика и поступил на службу в лейб-гвардии Финляндский полк. Впоследствии, через четверть века, В. С. Кривенко опишет свои впечатления от пребывания в этих учебных заведениях в двух мемуарных очерках, вошедших в настоящее издание.

В 1876 г. случилось событие, оказавшее решающее влияние на всю дальнейшую судьбу В. С. Кривенко: он стал личным секретарем графа И. И. Воронцова-Дашкова, ближайшего друга цесаревича Александра Александровича, будущего Александра III. Вместе с графом В. С. Кривенко прошел балканскую войну. Именно к этому времени относятся первые, весьма успешные, литературные опыты В. С. Кривенко: в том же 1876 г. он публикует свой путевой очерк *«Поездка в Пятигорск»*. В 1878–1881 гг. В. С. Кривенко учится в Военно-юридической академии, по окончании которой резко меняет свою судьбу — выходит в отставку и поступает на гражданскую службу, в Министерство императорского двора. Дело в том, что взошедший на престол в 1881 г. Александр III назначил И. И. Воронцова-Дашкова министром императорского двора, а он, в свою очередь, предложил службу в привилегированном придворном ведомстве

⁵¹ Бокова В. М. Кривенко Василий Силович // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. слов. М., 1994. Т. 3. С. 152–153.

личному секретарю. С этого момента и вплоть до увольнения И. И. Воронцова-Дашкова от должности в 1897 г. деятельность В. С. Кривенко протекала в руководстве Министерства двора. Это был его «звездный час», растянувшийся почти на два десятилетия. Формально он не занимал крупного поста в ведомственной иерархии, не имел высокого чина: с ноября 1881 г. В. С. Кривенко числился помощником юрисконсульта МИДв, затем с декабря 1885 г. по май 1897 г., с первого и до последнего дня ее существования, руководил Канцелярией министра двора. Тем не менее, неизменно пользуясь исключительным доверием И. И. Воронцова-Дашкова, В. С. Кривенко приобрел огромное влияние в придворном мире. Будучи «правой рукой» министра, в 1881–1885 гг. он стал инициатором и главным «проводником» целого ряда прогрессивных административных реформ в Министерстве двора, благодаря чему и заслужил достойное место в российской истории. В чем же состояла суть этих почти забытых ныне реформ?

С назначением 17 августа 1881 г. И. И. Воронцова-Дашкова министром двора перед ним встала проблема, так и не решенная его предшественниками: адаптация архаичной структуры Министерства двора к изменившимся социально-экономическим реалиям пореформенной России. Реформы, предпринятые в МИДв в 1880-е гг., имели два этапа: административные реформы 1881–1885 гг. и реорганизация центрального управления 1888 г. Уже в ходе первого этапа, проходившего при непосредственном участии В. С. Кривенко, были решены главные задачи, стоявшие перед МИДв: окончательно упразднено коллегиальное начало во всех установлениях министерства; централизовано дворцовое хозяйство (учреждением Главного дворцового управления, объединившего все разнообразие дворцовых учреждений, ранее обособленные) и выстроена новая властная вертикаль (учреждением Совета министра, осуществляющего непрерывное управление министерством в отсутствие министра). Все реформы первого этапа проходили на особых основаниях, т. е. без законодательного утверждения, но при полной поддержке министра двора императором — и, тем не менее, не все увенчались успехом.

Одной из стратегических задач, стоявших перед МИДв, являлось объединение земель, находящихся под управлением Главного управления уделов и Кабинета е. и. в., в одном новом установлении. При этом должно было произойти полное перераспределение потоков основных финансовых поступлений в МИДв. Ранее огромные средства, получаемые от эксплуатации удельных земель, напрямую шли из удельного ведомства соответствующим членам императорской фамилии. Это позволяло удельному ведомству занимать совершенно независимое положение

внутри министерства. Теперь же данные средства должны были распределяться новым общим установлением МИДв, учитывая нужды всего министерства. Таким образом, предстоящая административная реформа МИДв была объективно направлена против финансовой независимости Главного управления уделов, а следовательно, и финансовых интересов старших великокняжеских дворов. Инициатором реформы стал, по видимому, сам И. И. Воронцов-Дашков: она началась буквально на следующий день по вступлении его в должность министра двора.

Уже 18 августа 1881 г. последовало высочайшее повеление об отделении Контроля МИДв от Кассы МИДв и присоединении его к Канцелярии в качестве особого контрольного отделения. При этом его хозяйственные функции остались в ведении Кассы, а контрольные функции расширялись и на удельное ведомство. Впервые в истории МИДв оно подпало под внешний финансовый контроль. Однако эта попытка оказалась неудачной: уже через полгода, 15 января 1882 г., вновь образованное контрольное отделение Канцелярии упразднили. При этом функция контроля над Департаментом уделов вновь была изъята из компетенции Контроля МИДв, ставшего, как и прежде, самостоятельным общим центральным установлением в составе министерства. Эта неудавшаяся реформа ясно показала границы не столько влияния В. С. Кривенко или И. И. Воронцова-Дашкова, сколько, по сути, реальной власти самого самодержавного государя: сила традиции во взаимоотношениях внутри императорской фамилии и инерции в государственном управлении оказалась непреодолима. Вплоть до 1917 г. Главное управление уделов сохранило свое особое, неподконтрольное положение министерства в министерстве.

Следующая административная реформа, проведенная в МИДв В. С. Кривенко, была направлена на перераспределение властных полномочий внутри министерства. 15 января 1882 г. был утвержден новый временный штат Канцелярии МИДв, существенно ухудшивший материальное обеспечение ее личного состава. Произшедшие перемены свидетельствовали о кардинальном изменении отношения к Канцелярии нового руководства МИДв. Можно предположить, что отныне она уже не рассматривалась высшим начальством как главное административное установление МИДв (в этом смысле становится понятна и замена прежнего, постоянного штата новым, временным). Ее обязанности начали переходить к другим установлениям министерства. Юридическое закрепление нового положения стало лишь вопросом времени.

28 декабря 1885 г. была сформирована Канцелярия министра двора во главе с В. С. Кривенко. В ее обязанности от Канцелярии МИДв перешли

«исполнение разнообразных служебных поручений министра и переписка по тем делам, которые, по особенной важности своей, требовали скорейшего разрешения министра или же не могли входить в круг занятий прочих центральных установлений министерства»⁵². Кроме того, в обязанности служащих Канцелярии министра двора входило ведение личной переписки министра и выполнение его различных поручений, постоянное дежурство при министре, сбор различной информации и подготовка аналитических справок. Ранее всем этим занимались чины юрисконсультской части МИДв (теперь упраздненной) и секретарь при министре, которого переводили теперь из Канцелярии МИДв в Канцелярию министра. Анализ функций нового установления позволяет сделать вывод о том, что Канцелярия министра была учреждена не в качестве нового центрального органа управления министерства, а скорее как секретариат («личный орган») министра двора.

Свое логическое завершение этот процесс получил 24 апреля 1888 г., когда Канцелярия МИДв была упразднена, а ее властные полномочия распределены между Кабинетом е. и. в. и Канцелярией министра. Это и был второй этап административных реформ И. И. Воронцова-Дашкова, их кульминация, в ходе которой последовало полная реорганизация центрального управления министерством. Второй этап реформ прошел при поддержке В. С. Кривенко, однако инициатором и движущей силой новой административной реформы являлся уже не он, а «восходящая звезда» Министерства двора — бывший руководитель его Контроля Н. С. Петров. Стратегическая задача при этом ставилась та же, что и на первом этапе реформ: сосредоточение управления всеми землями, находящимися в ведении МИДв, в одном установлении. Однако теперь переход уделных земель под общее управление в ближайшем будущем уже не планировался: сначала было решено всемерно улучшить управление землями, находящимися в управлении Кабинета (прежде всего Алтайского и Нерчинского округов) — с тем, чтобы иметь их в качестве образцов для дальнейших земельных преобразований. Данная задача могла быть решена только при условии концентрации всех административных и хозяйственных ресурсов министерства. Новым элементом этого этапа реформ стала личная заинтересованность ее инициатора: Н. С. Петров происходил из Алтайского края, и потому экономическое и культурное развитие родных мест оказалось для него весьма важным.

⁵² Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. (1881–1894 гг.). СПб., 1901. Ч. 1. Кн. 1. С. 50.

В результате административной реформы 24 апреля 1888 г., прошедшей все надлежащие законодательные процедуры, Кабинет е. и. в. сделался главным административным органом («общим центральным установлением») МИДв, а сфера его деятельности значительно расширилась. Теперь помимо основной его задачи — заведования собственностью российских императоров, — на него были возложены и все дела административного, хозяйственного и финансового характера по министерству вообще. Возглавил его, разумеется, сам Н. С. Петров. Можно предположить, что данная реформа, сосредоточившая в Кабинете е. и. в. большую часть материальных ресурсов и всю административную власть в министерстве, с целью улучшить управление министерскими землями, была спроектирована и осуществлена властным Н. С. Петровым, по сути, в личных целях. Фактически это была, на наш взгляд, попытка достичь благоустройства родного Алтая, поставив ей на службу все ресурсы МИДв. Конечно, это не могло бы произойти, если бы не еще одно важнейшее субъективное обстоятельство: к концу 1880-х гг. начало проявляться охлаждение И. И. Воронцова-Дашкова к повседневным министерским обязанностям. В подобной ситуации в МИДв установилось негласное разделение полномочий: в ведении Н. С. Петрова оказались все финансовые и хозяйственные дела по министерству, а кадровую, административную и идеологическую политику взял на себя заведующий Канцелярией министра В. С. Кривенко.

Именно при его руководстве кадровая политика в Министерстве двора претерпела на рубеже 1880–1890-х гг. радикальные изменения. Новый подход получил неофициальное название «гражданские военные». Он состоял в массовом привлечении на гражданскую службу в МИДв гвардейских офицеров, лично известных высшему руководству министерства. Эта установка была воспринята многими старожилами ведомства с большим неодобрением: родовитые пожилые придворные вынуждались отходить в тень, уступая посты и чины молодым офицерам. В числе этого «кривенковского» набора оказались: генерал-лейтенант П. К. Гудим-Левкович, бывший помощник начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, занявший в МИДв сначала пост помощника управляющего удельным ведомством, а позднее — пост управляющего Кабинетом е. и. в.; бывший полковой адъютант лейб-гвардии Егерского полка Н. И. Оприц, ставший видным чиновником Канцелярии МИДв и бессменно ведший все дела по придворной цензуре на протяжении нескольких десятилетий; ряд других военных. Новая кадровая политика, проводившаяся В. С. Кривенко без оглядки на мнение великих князей, вызвала к нему стойкую антипатию в великосветских кругах.

В качестве администратора В. С. Кривенко оказывал подчас определяющее влияние на решение важнейших вопросов. Так, он сыграл едва ли не главную роль при реформировании Академии художеств, которая до революции входила в состав Министерства двора. «Устав Академии художеств, — отмечал в дневнике А. С. Суворин 4 февраля 1893 г., — составлен Кривенко из 75 отзывов от разных художников и всех известных»⁵³.

Но особенно значимыми оказались нововведения В. С. Кривенко в области идеологии. Он впервые в истории МИДв специально занялся разработкой новых подходов к деятельности придворной цензуры. Изменившиеся требования жизни потребовали на новых основаниях организовать цензуру придворных известий — прежде всего в столице, в течение всего года. Ранее корреспонденты не имели права присутствовать на придворных мероприятиях (приемах, балах, раутах и т. д.), и в процессе создания своих заметок о них вынуждены были придумывать несуществующие подробности — для придания текстам достоверного вида. При этом возникала масса неточностей и некорректностей, не позволявшая потом придворной цензуре пропустить подобный текст. Теперь В. С. Кривенко добился от министра двора разрешения на введение института официальной аккредитации представителей прессы при МИДв, что давало им возможность лично присутствовать на важнейших светских мероприятиях. Это нововведение, придавшее большую открытость российскому высшему свету, стало в дальнейшем одним из основных новых (наряду с фотографией и кинематографом) способов репрезентации образа верховной власти. Кроме того, оно способствовало дальнейшему развитию рынка печатных изданий в России — что вполне отвечало, на наш взгляд, духу того времени, поскольку находилось в рамках общеевропейской тенденции к развитию гражданского общества.

Другим важным идеологическим направлением работы В. С. Кривенко стала организация придворной цензуры на местах, во время высочайших вояжей, с целью наладить корректную, в фактическом и в идеологическом плане, публикацию придворных известий в местной прессе. Для этого требовались недюжинные организаторские способности и деловая хватка, чтобы установить тесный контакт с местными властями и корреспондентами. В первые годы он занимался этим лично, в качестве заведующего Канцелярией министра двора сопровождая императора в высочайших вояжах. Так, в сентябре 1888 г. В. С. Кривенко сопровождал Александра III на Кавказ, описав свою цензурную деятельность в мемуарах. Он не предпринимал в той поездке каких-либо целенаправленных мер

⁵³ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. 2-е изд. М., 2000. С. 96.

по организации и последующей координации идеологической работы с местной прессой. Однако как первый положительный опыт взаимодействия власти с прессой данное нововведение имело, на наш взгляд, огромное значение для развития российской печати.

Позднее эта практика получила развитие в организованных В. С. Кривенко особых временных административных органах на местах — Бюро корреспондентов. Во время каких-либо значительных событий придворной жизни (коронований, свадеб великих князей, высочайших визитов в регионы) эти Бюро должны были способствовать наилучшему освещению происходящих событий, занимаясь цензурой местной прессы. Но главное — они являлись необходимым буфером между корреспондентами, как представителями общества, и органами власти, что значительно упрощало практическую работу журналистов. Первым успешным опытом стала организация Бюро корреспондентов на коронационных торжествах в Москве в мае 1896 г., которой В. С. Кривенко занимался вместе с делопроизводителем Административного отдела Н. И. Оприцем (именно он, как один из руководителей придворной цензуры, занимался организацией таких Бюро в последующие годы). Например, в Москве в 1896 г. Бюро наняло помещение, где корреспонденты могли собираться, общаться, оперативно получать необходимую информацию, взаимодействовать с цензурой и даже бесплатно питаться (чаем и кофе с печеньем и сэндвичами). В Бюро имелись также специально выделенные телефонные линии и почтово-телеграфные курьеры для немедленной отправки телеграмм и другой корреспонденции. Здесь сотрудники Бюро выдавали различные справки и распределяли пропуск на торжества. Все корреспонденты, сотрудничавшие с Бюро, получали соответствующую аккредитацию, подкрепленную особым пропуском, дающим возможность проходить через закрытые для публики зоны. Конечно, прежде аккредитации каждый корреспондент проверялся на благонадежность, для чего Бюро сразу же установило тесный контакт с конторой московского обер-полицмейстера. Кроме того, Бюро централизованно сносилось и с другими государственными органами, от которых зависела работа журналистов — канцелярией московского генерал-губернатора, штабом войск московского военного округа, городским московским управлением, почтово-телеграфным ведомством — для оперативного решения любых вопросов журналистской работы. Фактически Бюро корреспондентов являлись настоящими пресс-центрами. При всех неизбежно сопутствующих идеологических издержках, Бюро корреспондентов, организованные В. С. Кривенко, стали в высшей степени полезным опытом для российской печати. Это была совершенно новая для России форма взаимодействия власти и прессы. Говоря современным языком, эти Бюро вполне

можно назвать первым в отечественной истории успешным опытом в области PR-технологий.

Собственно цензурная деятельность не привлекала В. С. Кривенко. Тем не менее, ему постоянно приходилось ею заниматься: несмотря на то, что цензура МИДв в 1888–1897 гг. входила в круг обязанностей Административного отдела Кабинета, через Канцелярию министра также проходили материалы, представленные на цензуру МИДв. Впрочем, их было относительно немного — преимущественно тексты и музыкальные произведения. Дело было в том, что некоторые постоянные просители по привычке продолжали обращаться по вопросам цензуры в Канцелярию (до 1888 г. они входили в функции канцелярии МИДв), а некоторые и прямо к министру двора И. И. Воронцову-Дашкову. Иногда такие прошения пересылались по принадлежности — в Кабинет, но в случаях, когда требовалось неординарное или быстрое цензурное решение, оно обычно принималось лично В. С. Кривенко, а затем утверждалось министром.

Параллельно с бюрократической деятельностью В. С. Кривенко продолжал заниматься и литературным трудом, осваивая новые жанры, прежде всего публицистику. В 1881 г. в газете «*Страна*» он опубликовал свои размышления о народном образовании⁵⁴, впоследствии дважды вышедшие отдельным изданием⁵⁵. В. С. Кривенко заявил себя решительным сторонником либеральной школьной реформы и противником классицизма в народном образовании. По его мнению, все учебные заведения, кроме военных — в том числе духовные — следовало передать Министерству народного просвещения, расширив систему профессиональных школ и увеличив число университетов и женских вузов, особенно медицинских. Такие либеральные взгляды не мешали В. С. Кривенко занимать весьма влиятельное положение в Министерстве двора, поскольку сам министр И. И. Воронцов-Дашков являлся, в известной мере, единомышленником своего секретаря, будучи одним из виднейших представителей правительственного либерализма.

Литературное дарование В. С. Кривенко его патрон использовал весьма активно. В частности, в 1888 г. по поручению министра В. С. Кривенко составил сборник кратких сведений о правительственных учреждениях⁵⁶, который содержал перечень ведомств с обзором их

⁵⁴ Народное образование // Страна. 1881. № 125, 126.

⁵⁵ Народное образование. СПб.: Тип. Р. Голике, 1882; То же. [СПб.]: Тип. Гл. упр. уделов, 1896.

⁵⁶ Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1888; 2-е изд. СПб., 1889.

деятельности и штата руководящих должностных лиц. Издание такого справочника было предпринято впервые и стало серьезным шагом на пути к гласности в работе органов государственной власти. Порой В. С. Кривенко выступал и в роли официозного журналиста. Так, в октябре 1888 г., после крушения императорского поезда в Борках, он посвятил этому происшествию особую статью, вскрывшую неурядки в Министерстве путей сообщения. «Статью в “*Правительственном вестнике*”, где говорится о гнилой шпале, переданной будто бы государем жандармскому офицеру, — отметила 28 октября 1888 г. генеральша А. В. Богданович, — написал личный секретарь Воронцова-Дашкова Кривенко»⁵⁷.

Публицистическая деятельность В. С. Кривенко не ограничивалась официозными органами. С 1889 г. он регулярно печатает очерки и статьи в газете «*Новое время*». В этом году В. С. Кривенко выступил в газете А. С. Суворина в защиту женского образования⁵⁸, статья о котором позднее вышла отдельным изданием⁵⁹. Интерес В. С. Кривенко к данной теме был неслучайным — он входил в правление «*Общества для усиления средств женских медицинских институтов*». Общение же с А. С. Сувориным скоро переросло в многолетнюю дружбу. Так, согласно дневнику А. С. Суворина, 4 февраля 1893 г. В. С. Кривенко обедал у него, а уже через четыре дня состоялся ответный визит. В последующие годы эти дружеские встречи неоднократно повторялись. «Вчера, — записал А. С. Суворин 21 апреля 1896 г., — я был у Кривенко». В том же году, 31 октября, В. С. Кривенко с женой и дочерью обедали у А. С. Суворина, 17 декабря он вместе с В. С. Кривенко смотрел в Александринском театре пьесу П. М. Невежина «*Непогрешимый*». В марте следующего года А. С. Суворин и В. С. Кривенко совместно ездили в Москву. В феврале 1900 г., сообщив о своем присутствии на данном в честь М. Г. Савиной обеде в петербургском ресторане «*Медведь*», А. С. Суворин записал: «Домой вернулся с Кривенко пешком»⁶⁰. Неудивительно, что многие книги В. С. Кривенко были изданы именно в типографии А. С. Суворина.

Вероятно, А. С. Суворин был заинтересован в В. С. Кривенко едва ли не больше, чем тот в знаменитом журналисте: по своей высокой должности В. С. Кривенко имел доступ к эксклюзивной информации, которой

⁵⁷ Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 96.

⁵⁸ Женщины-врачи (По поводу закрытия Женских врачебных курсов) // Новое время. 1889. № 4941.

⁵⁹ Женщины-врачи. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1889.

⁶⁰ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 98, 175, 217, 265, 272, 286, 369.

он, надо думать, делился со своим другом. Например, именно В. С. Кривенко поручили составление официального описания путешествия по Востоку наследника цесаревича Николая Александровича, будущего Николая II. В качестве автора описания В. С. Кривенко был посвящен в такую щекотливую тему, как покушение на цесаревича в Японии. «Спрашивал у Кривенко: правда ли, что у государя головные боли, что на затылке образовалась шишка вследствие японского удара, — записал А. С. Суворин 17 декабря 1896 г., далее передавая ответ собеседника. — Вздор. Государь сегодня был на охоте. Больной он не поехал бы»⁶¹. Описание появилось в «*Правительственном вестнике*»⁶², а также вышло отдельным изданием⁶³. Кроме «*Нового времени*», очерки и статьи В. С. Кривенко печатали газета «*Московские ведомости*» (в 1892–1899 гг.), журналы «*Нива*» (1889) и «*Исторический вестник*» (1891). Некоторые очерки вышли отдельными изданиями — например, посвященный поездке автора на Кавказ⁶⁴ осенью 1888 г.

Смерть Александра III в 1894 г. и вступление на престол Николая II не отразились на положении В. С. Кривенко. Как и ранее, исполнение служебных обязанностей он успешно сочетал с литературным творчеством. В первые годы нового царствования вышли путевые очерки о поездках по Северному Кавказу⁶⁵ и Дагестану⁶⁶. Высокое служебное положение В. С. Кривенко существенно изменила Ходынская катастрофа — гибель сотен людей из-за давки на Ходынском поле в Москве 18 мая 1896 г., произошедшая при раздаче царских подарков по случаю коронации Николая II. Не будучи виновником этой катастрофы, В. С. Кривенко, тем не менее, использовал в сложившейся ситуации все свое влияние на И. И. Воронцова-Дашкова для того, чтобы хотя бы отчасти восстановить поколебавшийся авторитет императора и его двора. В. С. Кривенко высказался против посещения Николаем II бала во французском посольстве, намеченного на вечер того же дня, и выдвинул идею материальной помощи

⁶¹ Там же. С. 273.

⁶² Путешествие его императорского высочества наследника цесаревича на Восток, от Гатчины до Бомбея // *Правительственный вестник*. 1891. № 41, 48, 56, 78, 100.

⁶³ Путешествие его императорского высочества наследника цесаревича на Восток, от Гатчины до Бомбея. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1891.

⁶⁴ Очерки Кавказа. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1893.

⁶⁵ По дороге в Дагестан. [СПб.]: Тип. А. С. Суворина, 1895.

⁶⁶ По Дагестану: Путевые заметки. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1896.

семьям погибших. «Государь, — отметил 18 мая А. С. Суворин, — дал на каждую осиротелую семью по 1000 рублей. Доложить в этом смысле государю посоветовал Воронцову-Дашкову В. С. Кривенко <...> Вчера В. С. Кривенко задержал статью для “Русского слова”, где говорилось, что радоваться нечего, что следует печалиться об умершем императоре, который так много сделал. Сегодня Кривенко говорит: “Вот, накаркал этот господин!”. Многие хотели, чтоб государь не ездил на бал французского посольства, т. е., иными словами, чтобы посольство отложило свой бал ввиду этого несчастья. Кривенко советовал это Воронцову-Дашкову и говорил: “Франция приобрела бы тотчас популярность, если б отложили этот бал”»⁶⁷. Тем не менее, посольство бал не отменило, и Николай II на него все-таки поехал. На этом настояли старшие великие князья, которые в первые годы нового царствования оказывали на молодого монарха большое влияние.

Расследование Ходынской катастрофы привело к конфликту между московским генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем и И. И. Воронцовым-Дашковым. В ходе расследования Сергей Александрович обвинил в ней министерство двора и лично И. И. Воронцова-Дашкова. В то же время министр двора — несомненно, с подачи В. С. Кривенко — считал ее виновником московского обер-полицмейстера А. А. Власовского, а следовательно, и его начальника, великого князя. Следует отметить, что Сергей Александрович имел в этот период большое влияние на молодую императорскую чету и к тому же был женат на родной сестре императрицы, великой княгине Елизавете Феодоровне. Видя, что император склоняется к точке зрения великого князя, И. И. Воронцов-Дашков попросил отставку. С. И. Сазонова писала А. С. Суворину 27 июня 1896 г.: «На этих днях решается судьба наших общих знакомых (Кривенко)»⁶⁸. Тем не менее, хотя Николай II и окончательно занял сторону своего дяди, отставка министра двора тогда не была принята — император не хотел огласки. Она была объявлена И. И. Воронцову-Дашкову только через год, в мае 1897 г. — без нового прощения и потому неожиданно. Узнав об этом, подал в отставку и В. С. Кривенко, однако его отставку не приняли: новый министр двора барон В. Б. Фредерикс высоко ценил его опыт и профессиональные качества. В том же 1897 г. В. С. Кривенко назначили членом Совета при министре двора. В этом качестве он и пребывал до 1917 г.

⁶⁷ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 230.

⁶⁸ Там же. С. 240.

В 1899 г. именно В. С. Кривенко дают ответственное и важное поручение: редактирование «Коронационного сборника» — официального издания материалов о последней коронации⁶⁹. За успешное выполнение этого поручения он, будучи 45-ти лет от роду, т. е. еще достаточно молодым сановником, получил чин тайного советника, до которого обычно дослуживались в более старшем возрасте. Вскоре В. С. Кривенко вновь выступил в качестве редактора в новом небывалом проекте — издании фундаментального исторического труда о деятельности Министерства императорского двора в царствование Александра III⁷⁰. Это капитальное исследование было выполнено на высоком научном уровне и состояло из четырех томов: двух частей и приложений. В нем подробнейшим образом рассматривалась не только институциональная, но и финансовая сторона каждого из учреждений в составе МИДв. Фундаментальность подхода подразумевала большое количество справочного материала, сведенного в разнообразные таблицы. Это издание заняло видное место в историографии МИДв, став единственным (и до настоящего времени) изданием, посвященным истории министерства в целом (хотя и только за один период).

Обязанности члена Совета при министре не были излишне обременительными, а потому В. С. Кривенко мог всецело отдаться литературному творчеству. Отставного сановника по-прежнему интересовали вопросы общего и военного образования⁷¹ и учебного дела в целом⁷². В. С. Кривенко продолжал отдавать дань жанру путевых очерков, публикуя их в 1897–1898 гг. в «Историческом вестнике», «Новом времени», «Русском вестнике» и «Санкт-Петербургских ведомостях». Позднее он объединил опубликованное в этих изданиях в рамках отдельной книги⁷³. В 1901–1902 гг. В. С. Кривенко издал очерки, посвященные своим поездкам по железным дорогам⁷⁴ — в Ялту, Стамбул, по Прикаспию⁷⁵. Статьи В. С. Кривенко публиковали популярные издания конца XIX — начала XX в.: газеты «Новости» (1896–1899 гг.) и «Русский инвалид» (1900-е гг.), журналы «Всемирная иллюстрация»

⁶⁹ Коронационный сборник. СПб., 1899. Т. 1.

⁷⁰ Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. (1881–1894 гг.). СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1901.

⁷¹ Общие и военные школы. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1899.

⁷² Учебное дело. СПб., 1901.

⁷³ В дороге и на месте. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1899.

⁷⁴ Железнодорожные направления. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1901.

⁷⁵ На окраинах. [СПб.]: Тип. А. С. Суворина, 1902.

(1897 г.), «Театр и искусство» (1899–1902 гг.). Участие В. С. Кривенко в последнем издании раскрыло новую грань его таланта — как театрального критика.

Заслуги В. С. Кривенко в области театрального дела получили к тому времени всеобщее признание: в 1890-е гг. он занимал пост председателя совета Русского театрального общества. Впрочем, в 1900 г. В. С. Кривенко вышел из этого общества из-за разногласий с А. С. Сувориным. «Разговор с В. С. Кривенко, — записал А. С. Суворин 17 февраля 1900 г., — который выходит из Русского театрального общества вследствие моей непочтительной заметки о маскарade в Мариинском театре»⁷⁶. Тем не менее, и в дальнейшем В. С. Кривенко оставался заядлым театралом. Так, 9 марта 1908 г. граф И. И. Толстой отметил в своем дневнике, что сидел рядом с В. С. Кривенко на генеральной репетиции «Кармен» в Мариинском театре⁷⁷. В качестве театрального деятеля В. С. Кривенко сыграл главную роль при положительном решении давнего вопроса об установке памятника основателю первого русского публичного театра Ф. А. Волкову. «В 1880 г., — отметил 21 февраля 1900 г. А. С. Суворин, — было заявлено желание поставить первому актеру Волкову памятник в Ярославле. Тогда не разрешили. Теперь Кривенко представил, и государь согласился»⁷⁸.

Помимо литературной и театральной деятельности, В. С. Кривенко активно занимался благотворительностью. В 1900-х гг. он работал на руководящих постах в Обществе попечения о бедных и больных детях, Особом присутствии МВД по призрению нищих, Главном управлении Российского общества Красного Креста. В последнем учреждении В. С. Кривенко проявил себя как выдающийся деятель во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Вероятно, не в последнюю очередь это было вызвано тем, что здесь ему снова довелось работать под руководством графа И. И. Воронцова-Дашкова, возглавлявшего Исполнительную комиссию Красного Креста.

Социальные катаклизмы начала XX в. обошли, казалось, В. С. Кривенко стороной: опубликованный им в 1905 г. очерк был посвящен такой далекой от «злобы дня» теме, как офицерский быт⁷⁹. Однако с изданием манифеста 17 октября 1905 г., возвестившего о создании законодательной Думы, расширении избирательного права и даровании прав и свобод,

⁷⁶ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 368.

⁷⁷ Толстой И. И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 181.

⁷⁸ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 369.

⁷⁹ Впечатления. Офицерское житье-бытье // Русская иллюстрация. 1905. 10 августа.

политическое самоопределение В. С. Кривенко произошло довольно быстро. Типичный либеральный сановник, он, естественно, вступил в либеральную партию — «Союз 17 октября» (партию октябристов).

Литературное дарование В. С. Кривенко оказалось востребованным его сопартийцами. 28 ноября 1906 г. на заседании ЦК «Союза 17 октября», собранном для обсуждения «воззвания, составленного В. С. Кривенко», было «положено его направить в Литейный отдел [Петербурга] на тот случай, не пожелает ли он его использовать при рассылке опросных листков членам Союза»⁸⁰. С 1907 г. В. С. Кривенко являлся членом Петербургского городского совета «Союза 17 октября» от Литейного участкового комитета. Еще больше сил отнимало у него участие в деятельности столичного самоуправления. В. С. Кривенко был гласным Петербургской городской думы (в 1907–1916 гг.) и Петербургского губернского земского собрания (1912–1916 гг.). В городской думе он играл одну из главных ролей. Показательно, в частности, что 28 декабря 1909 г. именно В. С. Кривенко приветствовал от имени петербургского самоуправления 1-й Всероссийский съезд по борьбе с пьянством⁸¹.

Общественная деятельность В. С. Кривенко не мешала его литературному творчеству. В эпоху думской монархии он публикует повесть «Инвалиды»⁸² и очерки о путешествиях по России, Западной Европе, Азии и Африке — «По старой Руси», «Заграничные курорты», «В теплые края»⁸³. Своими путевыми очерками В. С. Кривенко закрепил за собой заметное место в современной ему русской литературе. «Живость зарисовок, слегка шаржированные портреты попутчиков, точно и характерно воспроизведенные диалоги, легкость изложения, — подчеркивает исследовательница его литературного творчества, — неизменно обеспечивали очеркам Кривенко благожелательные отзывы»⁸⁴.

С началом в июле 1914 г. Первой мировой войны все внимание В. С. Кривенко сосредоточивается на благотворительной деятельности. Уже 28 июля 1914 г. он — в Петроградской городской думе на заседании Особого присутствия по призрению семей запасных. Совместно со своими коллегами по городской думе В. С. Кривенко принимает участие

⁸⁰ Протокол заседания Центрального комитета. 28 ноября 1906 г. // Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов, конф. и заседаний ЦК: 1905–1915 гг. М., 1996. Т. 1. С. 265.

⁸¹ Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 448.

⁸² Инвалиды. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1909.

⁸³ Мой дорожник: Сб. заметок с 1900 г. по 1914 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1914.

⁸⁴ Бокова В. М. Кривенко Василий Силович. С. 153.

в решении проблемы снабжения армии. В декабре 1914 г. он вошел в состав Комитета по сбору и распределению пособий на военные нужды, состоявшего под председательством столичного городского головы графа И. И. Толстого и обсуждавшего «вопрос о способах снабжения армии сапогами»⁸⁵. Несмотря на громадную занятость, В. С. Кривенко не забывал о литературном творчестве. В это время его произведения были уже в основном приурочены к конкретным событиям. Так, он не мог не отозваться на смерть графа И. И. Воронцова-Дашкова, опубликовав о нем воспоминания⁸⁶.

В деле обеспечения нужд армии либеральные взгляды В. С. Кривенко облегчали ему деловые контакты с левой частью городской думы. Это было важно тем более, что многие руководители столичного самоуправления, в т. ч. сам городской голова И. И. Толстой, принадлежали к левым партиям, будучи прогрессистами и кадетами. В частности, 4 августа 1914 г. И. И. Толстой имел «длинный разговор» с В. С. Кривенко. В тот же день в городской думе произошло собрание представителей попечительств о бедных. На собрании В. С. Кривенко «решился на уступки общественному течению», а потому, полагал И. И. Толстой, «совещание не пропадет даром». Во многом именно благодаря В. С. Кривенко столичное самоуправление с первых же дней войны поддержало, как и Государственная дума, политику «священного единения» власти и общества. Когда 15 августа 1914 г. в городской думе заседал Комитет по сбору и распределению пособий, в котором впервые принял участие председатель Государственной думы М. В. Родзянко, присутствующие его «приветствовали, — засвидетельствовал И. И. Толстой, — по предложению Кривенки, в своей среде».

Политические взгляды В. С. Кривенко периода войны на фоне резко полевевшего общественного сознания выглядели консервативнее, чем были на самом деле. На состоявшемся 19 августа 1914 г. в городской думе заседании Комитета по распределению пособий семьям запасных присутствовали председатели всех петроградских попечительств о бедных. Кадет А. И. Шингарев доложил «о действиях попечительств в деле помощи семьям запасных, о замеченной несогласованности их и о мерах, требуемых ответственностью переживаемого момента». Предложение А. И. Шингарева подразумевало объединение попечительств не

⁸⁵ Толстой И. И. Дневник. С. 529, 579.

⁸⁶ Памяти графа И. И. Воронцова-Дашкова // Вестник Красного Креста. 1916. № 2.

столько в целях благотворительной, сколько политической деятельности. Кадетские планы, записал И. И. Толстой, «встретили отпор со стороны Кривенко» и «некоторых других председателей попечительств, фанатично держащихся принципа полной и ничем не стесняемой автономии этих учреждений». В. С. Кривенко и его единомышленниками было сказано «много “кислых” слов», поскольку они, полагал И. И. Толстой, оказались «оскорбленными в своем самолюбии». Характерно также, что на состоявшемся 18 декабря 1914 г. заседании Комитета по сбору и распределению пособий на военные нужды, под председательством И. И. Толстого, при рассмотрении проблемы снабжения армии сапогами В. С. Кривенко выступил «с горячей защитой» казенных заготовителей — генералов Д. С. Шуваева и П. А. Фролова. Несмотря на конфликты с левыми гласными и покровительствовавшим им городским головой, отношения В. С. Кривенко с последним продолжали оставаться весьма близкими. Показательно, что 26 апреля 1915 г. он завтракал с И. И. Толстым⁸⁷.

Либеральные взгляды В. С. Кривенко делали его сторонником оппозиционной общественности и реформаторского курса — ради достижения победы в затянувшейся войне. В августе 1916 г. он писал: «Необходимо дать возможность развернуть дремлющие силы. Хочется твердо верить, что наше отечество без потрясений закономерным путем совершит мирную революцию, благодаря которой станет жить легче, и мы избавимся от иноземной экономической кабалы». «Писал это, — возмущенно подчеркивал дворцовый комендант Николая II В. Н. Воейков, — бывший начальник Канцелярии Министерства императорского двора В. С. Кривенко»⁸⁸. Вера в необходимость мирного обновления для России, несомненно, облегчила для В. С. Кривенко принятие факта падения в феврале 1917 г. романовской монархии, которой он когда-то служил не за страх, а за совесть.

После Октябрьской революции 1917 г. В. С. Кривенко не эмигрировал, остался в Петрограде. Он работал экспертом городского благоустройства в Петроградском Совете коммунального хозяйства, состоял членом совета Общества взаимопомощи ученых и литераторов. Продолжая литературную деятельность, в 1919 г. он поместил несколько заметок в газете «*Вестник литературы*». После 1920 г. В. С. Кривенко

⁸⁷ Толстой И. И. Дневник. С. 534, 538, 540, 577, 631.

⁸⁸ Воейков В. Н. С царем и без царя: Воспоминания послед. дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1994. С. 100.

С. И. Григорьев, С. В. Куликов

написал воспоминания «*В Министерстве двора*», судя по всему, по заказу журналиста Л. М. Клячко (Львова), подвигнувшего, с благословения наркома просвещения А. В. Луначарского, бывших сановников к подготовке своих мемуаров. По неизвестной причине воспоминания В. С. Кривенко отложились не в фонде Л. М. Клячко в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве, где имеется целая коллекция подобного рода воспоминаний, а в фонде Собрания отдельных поступлений Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Умер В. С. Кривенко в 1931 г. в Ленинграде. Такова необычная судьба автора необычных мемуаров, представляемых вниманию читателей в настоящем издании.

I.
ВДАЛИ ОТ РОДНЫХ
(ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ)¹

1.

...Мои два старшие брата были уже в кадетском корпусе²; я знал, что и мне не миновать той же участи.

Мысль о расставании с родителями, с Кавказом, с товарищами детства меня ужасно пугала³. К этим тревожным думам присоединился и страх перед экзаменами. N-ский корпус⁴ был там, далеко, далеко — «в России». О железных дорогах на окраине тогда и помину не было, а на лошадях приходилось ехать до N около двух недель. Ввиду дороговизны и продолжительности путешествия, братья не могли приезжать даже на каникулы, и меня некому было посвятить в кадетскую жизнь и экзаменационные требования.

Два года тому назад мой брат, уезжая в далекий корпус, обливаясь слезами, написал на ставне нашей классной комнаты месяц и число отъезда: 17-го июля. Приблизительно около этого времени должен был двинуться на север и я. Как мне хотелось отдалить это страшное «17-е июля»! Но дни проносились неимоверно быстро, и срок наконец настал. Мне все казалось, что вот, вот что-нибудь помешает. Увы, дорожный экипаж уже выкатили из сарая. Денщик Абдулка при помощи отца и матушки укладывал вещи. Тоскливо сжалось мое сердце, и я опрометью бросился на Набережную. Никогда мне не казался так красив вид на весело зеленевшие внизу сады, на улыбающуюся цепь гор, на синее, видневшееся вдали, Каспийское море... Проскрипела арба горца, прошли два солдатика, пробежал вприпрыжку «к учителю» один из моих товарищей. Как я завидовал им! Они остаются здесь, а я?! Бедный я, бедный мальчик! Мне нестерпимо стало жаль себя, я готов был разреветься; но из-за палисадника показался священник с доктором; они шли к нам напутствовать в дорогу. За молебном матушка страшно разрыдалась, сестра и бабушка также плакали. «Господи, точно хоронить собрались», — озабоченно повторял отец. Он крепился, но я видел, что ему было далеко не по себе. «И зачем это — мелькало в голове — понадобилось везти меня в корпус. Вот товарищи мои остаются же здесь, поступят в юнкера, будут офицерами. Счастливыц!..» Молебен кончен. Все присели на минуту, а затем началось прощание. Матушка поехала провожать нас верст за семь «до спуска». Это была традиционная граница для провод. Здесь мы простились.

Приходилось расставаться лет на восемь, а быть может и более; расставаться с матерью десятилетнему ребенку с тем, чтобы впоследствии встретиться почти уже взрослым и чуть ли не чужим. Ведь это страшнее рекрутчины! Тяжело было мне, каково же отзывалось это на сердце бедной матушки.

Простившись с провожавшими, отец взял меня за руку, и мы тихо стали спускаться по капризным зигзагам каменистой дороги. В последний раз показался милый образ матушки, мелькнул платок, и горный уступ окончательно закрыл вершину. Я судорожно припал к отцу и не мог двигаться далее. Сильные руки бережно подхватили меня, и я очнулся уже в экипаже.

3-го августа 186* года я с отцом подъезжал к городу N⁵. Проведя детство в горах, мне не доводилось видеть городов, и потому я с особенным интересом разглядывал диковинки в Ставрополе и Харькове. Н уже меня несколько не удивил. Мои мысли заняты были экзаменом и скорой встречей с братьями. Братья гостили у знакомого в деревне, куда и мы с отцом предполагали проехать, после моего «определения». Всем существом своим желал я избавиться от будущего заключения в заведении и убежать из России туда, на родной Кавказ. В моем воображении живо представлялся наш белый домик, окутанный акациями, а в палисаднике на скамейке горько плачущая матушка. Становилось нестерпимо больно и грустно... 7-го августа меня повели на экзамен. Громадное, с белыми колоннами здание корпуса меня окончательно придавило. Из внутренних помещений доносился гул сотен голосов. Приходилось подниматься и опускаться по монументальным лестницам и путаться по бесконечным коридорам, полным для меня тревожной таинственности. Встречавшиеся кадеты, казалось, смотрели насмешливо и вызывающе. Я боязливо жался к отцу и считал себя несчастнейшим в мире существом.

Перед экзаменом всем поступившим делали телесный осмотр. Я что-то очень много говорил доктору о постоянном страдании лихорадкой, о колотьях в боку и еще о чем-то. Однако мои ухищрения не повели ни к чему. Сухой немец доктор Б[ухгей]м признал меня здоровым.

Теперь на экзамен. При слушании ответов сверстников робость моя прошла: они не особенно-то, оказалось, отличались в знаниях. Несмотря на плохие ответы некоторых, все экзаменующиеся были приняты, так как конкуренции не было никакой.

Со вторым братом мы встретились задушевно и звонко расцеловались. Старший брат, конечно, также очень рад был меня видеть, но старался походить на истинного кадета «закала» и, силясь выдержать роль, сдерживал братские чувства. Сначала это меня неприятно поразило, но

когда второй брат через час посвятил меня в первые тайники кадетской жизни и в значение брата «мускулиста», то я тотчас же проникся особым уважением к нему. Всякий его поступок казался мне совершенством. Как приятно, думалось мне, быть родным братом настоящего закала!

Итак, я определен в корпус, — кадет, «новичок»...

Первые дни по поступлении в корпус привезшие детей отцы, матери, родственники усиленно посещали нашу роту, в особенности во время прогулок в саду. Плачущие группы виднелись то там, то здесь. Офицеры-отцы выдерживали себя; обыкновенно чинно читали наставления своим сыновьям, заплаканым, со ртом, набитым пирожками или конфетами. Матери же плакали сильно. Да и как было не плакать! Когда-то придется свидеться?

Через неделю посетителей стало меньше: начался отлив из корпусного города по домам. При расставании с отцом или матерью новичку допускалось похныкать, но на этом он и должен был закончить. Кадет и рюмза — понятия несовместимые.

Мой отец не мог долго оставаться в N и дней через десять после «определения» уехал. Накануне отъезда мы долго беседовали, строили планы на будущее, мечтали о том, что отец получит командировку «в Россию», придет к нам и, быть может, привезет и матушку... На другой день отец помолился с нами, перекрестил нас, крепко, крепко расцеловал и грустный, с поникшей головой, уехал из N, уехал навеки. Больше мы не видели отца. Он вскоре заболел, а через четыре года его не стало...

Длинные, терявшиеся где-то далеко коридоры, громадные рекреационные залы и дортуары наводили на меня сначала положительный ужас. Но к этому я скоро присмотрелся, ознакомился со всеми уголками этого строения, сжился с ним и полюбил его.

Шумная, сотенная масса стриженных кадетских голов по первому впечатлению меня ошеломила, рябило в глазах, но уже на другой, на третий день среди общей пестреющей галереи лиц стал выясняться более и более то тот, то другой кадетик. Знакомство завязывалось необыкновенно живо, переходило в дружбу, перемежалось драками и миром.

— Новичок, как ваша фамилия?

— N. N.

— Давай говорить на ты.

— Давай.

— Хочешь дружиться?

— Хочу...

Все шло по доброму обыкновению. Приятельские отношения, завязанные в эту пору, остаются на всю жизнь, и корпусное «ты» не может уже измениться никогда на холодное «вы».

Проведя несколько дней в корпусе, я стал с замечательным почтением относиться к воспитанникам старшей, первой роты. В то время как вполне взрослые люди оставались в моих глазах обыкновенными смертными, старшие кадеты казались и мне, и моим товарищам какими-то гигантами, циклопами, за спиной которых таились целые легендарные похождения.

— Боровской Чеснока (дневального солдата) исколотил. Тот не позволял ему в ламповое масло хлеб обмокнуть, а Боровской ка-а-ак даст ему...

— Ну-у? дай честное слово!

— Чес-с-со слово.

И за обедом, когда все роты собираются в столовый зал, мы, неранжированные, с удивлением глазеем на Боровского, этого героя, победившего мозглявого, в сущности, гарнизонного солдата. А Боровской, зная, что им любитесь корпус, идет к столу истым кадетом: ноги у него колесом, размах руки особенно-характерный, такой, который бы доказывал, что он «мускулиста»*; куртка намеренно испачкана, локти прорваны. Входя в столовую, он и другие «закалы» производят какой-то особый шум, не то мычание, не то гоготанье и шарканье ногами по полу. Что это обозначает, неизвестно; но не могут же они просто и тихо войти.

— Молодчина Боровской, — заключаем мы.

— А Кленович сильнее его! Вчера я встретил его в церковном коридоре, он как посмотрит на меня, так я «такой дралки задал».

Начинается спор, кто кого сильнее.

— Иванов и Василенко — без пирога! — объявляет ефрейтор, сидящий за старшего, и действительно мальчики остаются без сладкого, которое судья и помещает к себе на тарелку или отсылает в первую роту, быть может, тому же Боровскому или Кленовичу.

Басы пользовались также равным с «закалами» почтением, тем более что обыкновенно им приписывали и исполинскую силу. «Октавист», т. е. второй бас, — это было существо недосыгаемое. «Как пустит октаву, так все и задрожат; честное слово, архиерейские певчие приходили слушать...» — вспоминал кто-нибудь о вышедшем уже из корпуса певчем, и все внимали, и все охотно верили.

Тяжело доставалось смирным воспитанникам от сверстников-«закалов».

— Новичок, в бабки играл? — Упаси Боже ответить утвердительно.

«Бабочник», «пшик» (поляк) и «подлиза» — были наиболее жестокие ругательства.

* Слово «мускулы» относилось лишь специально до мышц верхней части руки.

«Эй, бабочник! бабочник!» — пляшет кадет перед новичком и близко, близко от лица делает какие-то пасы. «Воздух казенный! Воздух казенный!» — при этом прибавляет мучитель. Беда разревется или пожаловаться — это считалось крайне низким поступком. Мирно относиться также невесело; потасовка за долготерпение не уменьшается. Неприкосновенность личности не признавалась, и тумачи можно было получить так, здорово живешь.

«Передай дальше!» — раздается за столом, в строю или классе, возглас, присоединенный к толчку или щипку. Как бы по электрическому току, передается удар, пока не остановится на злополучном, который боится хватить соседа или замечен начальством... На обиды и побои некоторые все-таки жаловались дежурному офицеру. — «Станьте на середину!» Правый и виноватый помещались под лампу в зале и грустно поглядывали на хихикающих кадет.

Для нехороших шалунов режим безнаказанности был вполне на руку. Благо, у кого был брат в старших классах; такого боялись трогать, во избежание должного возмездия.

Находились, впрочем, и защитники угнетенных. У нас в неранжированной роте этим отличался кадет Шлинк по фамилии, «Таран» — по прозвищу. Несмотря на то, что он числился еще кадетом «первого общего класса», ему перемахнуло уже за четырнадцать. Шлинк считался замечательным «мускулистом». В науках не успевал и при двенадцатибальной системе упорно ограничивался лишь пятибальной. Несправедливости не любил и потому, если ему приходилось видеть драку, то он налетал и «двигал» сильнейшего. За стремительность и разрушительное действие этих движений и овечьи умственные способности его и прозвали Тараном. Как-то Шлинк примостился к читающей группе и услышал отрывок, в котором воспевались подвиги Ричарда Львиное Сердце. С этой минуты наш «мускулист» решил походить на героя-крестоносца и в тот же вечер ухитрился вытравить себе на руке крест. Вся рота благоговейно ходила смотреть руку Шлинка. Дневальный Чеснок также любопытствовал взглянуть, как это «вышкварено мясо». Каптенармус, из выкрестов, Тишлер, донес дежурному офицеру. По счастью, это был поручик Р. — страстный любитель романов. Он сначала не поверил, потом потребовал «крестоносца», посмотрел на руку и заметил, что надо бы доложить Адаму Осиповичу [Бонецкому], да высечь. Однако поручик, видимо, был тронут геройством и за завтраком Шлинку прислал стакан чаю и булку.

Как тяжело в осенние и зимние месяцы подниматься в полутьме, в 6 часов утра. Гремит барабан повестку, а через четверть часа зорю.

«Вставать!» — раздается повелительный оклик дежурного офицера, затянутого уже в мундир. Старательные кадеты при первых еще звуках повестки вскакивают и быстро одеваются; большинство же не так легко на подъем. Еле протерши глаза, ребята кучками бредут чистить сапоги и пуговицы на куртке.

В маленьком коридоре стоят несколько грязных скамеек, на них расставлены тарелки с рыжей ваксой, протертые щетки и толченый кирпич. Подле скамеек толкотня, возня, спор из-за щеток и гербовок (особых дощечек для чистки пуговиц). Тут же, на подоконнике, приютился старик портной в очках, на шее у него целый ворох суровых ниток, в толстом стеганом жилете заткнуто несколько больших иголок, обмотанных нитками. Его обступили кадеты. Старик, обыкновенно, копается над какой-нибудь заплатой на куртке ранее всех подоспевшего счастливица; другим же приходится вооружаться иглами и заняться ремонтом своей одежды.

Более предусмотрительные и заботливые воспитанники с вечера почистили уже сапоги и платье, теперь бродят по рекреационным залам и «подзубривают». Дневальные солдаты, составлявшие нашу прислугу, за незначительную плату чистили сапоги и платье двум-трем кадетам, имевшим возможность платить им за это.

Но вот «чистильная» заметно пустеет. Народ все больше густится подле громадного медного круглого рукомойника. На верхней части его виднеются куски серого, простейшего мыла; бутылки с невообразимым, никем не трогаемым бурым полосканьем и тарелки с черным зубным порошком. Претендентов больше, чем мест. Опоздавшие с нетерпением ждут очереди. Скоро нужно становиться в строй. У рукомойника стоит содом. Дежурный офицер перешел уже в зал: шалить, значит, можно свободно. Гоняются друг за другом вокруг рукомойника, брызгают водой. Все идет благополучно, пока, по нечаянности, шалуны не окатят водой какого-нибудь «мускулиста». Следует трепка.

«Строиться!» — доносится приказание дежурного. Все тянутся в зал. Начинается осмотр. Расстегиваются куртки. Осматривают, все ли пуговицы. Поворачивают направо и налево; причем надо поднимать соответствующую руку, дабы осмотреть, не порвана ли куртка «под мышками».

После осмотра — утренний завтрак: булка, жидкая кашлица, иногда сбитень; в мае месяце — молоко.

В кадетском обиходе булка и леденец были единицами мены. «За полбулки... за два леденца... за две булки...». Эти выражения слышались зачастую в разговоре. Даже и начальство редко оставляло без булки — до того это считалось законной принадлежностью воспитанника. Вес и размер булки настолько был усвоен кадетами, что всякое отклонение в

отрицательную сторону подмечалось моментально, и кадет, сознавая свое право, требовал эконома. «Это несправедливо, несправедливо, Иван Иванович, смотрите, маленькая булка...» И эта жалоба, после небольшого пререкания, обыкновенно удовлетворялась.

После завтрака нас вели в роты брать книги и тетради, а оттуда, строем, в классы. Преподаватели были хорошие, были и дурные, конечно; в общем, грешно было жаловаться на них. Один из учителей, именно русского языка, Степан Иванович Пономарев, был даже положительно редкий педагог. Обучение у него шло все в классе, «на дом» он не давал заучивать, а разве лишь выписать некоторые слова. Стихи и басни учили тут же на лекции, нараспев.

Степан Иванович был для нас солнечный луч в суровом сумрачном кадетском обиходе. Зато как же мы и любили дорогого преподавателя!..

Удивительно непроизводительно убивали мы время на изучение французского языка. Несмотря на массу уроков, успели «пройти» за год лишь спряжения правильных глаголов и затвердили перевод одной странички из 2-й части учебника Марго; 1-й же части так и не касались.

Законоучителем у нас был добрейший отец диакон, который, боясь простуды, носил всегда на шее небольшой шарф. Кадеты не могли удовольствоваться таким простым объяснением и уверены были, что когда-то отец Гавриил при архиерее «закатил такое многолетие», от которого сам соборный протодиакон чуть в обморок не упал; зато у нашего диакона «порвалась жила», и он с тех пор должен перевязывать горло.

Пользуясь добротой диакона, мы вступали с ним в беседы и нередко жаловались на суровую жизнь, на плохую еду, на холод в спальнях. — «А ты куда готовишься? В офицеры? Так как же ты на войне будешь терпеть! Надо смолоду приучать вас и недоедать, и мерзнуть...» — убежденно защищал он беспорядки.

Во время уроков старательные сидят на передних скамьях и внимательно следят за учителем. Сзади же, в «Камчатке», расположены беззаботные. Тихая, чуть слышная вначале, возня постепенно усиливается. Раздается бречанье на перьях, вставленных в виде клавиш в стол; «давят масло», сжимая в середине сидящих, пока невытерпевший не крикнет и за это преподавателем не будет поставлен к доске.

Химики готовят в кадетской пуговице смесь из толченого стеарина и чернил, при удобном случае состав поджигают и пуговица летит фейерверком по классу.

— Кто это сделал?

В ответ гробовое молчание.

— Ага, пожалуйте-ка все с последней скамьи сюда, к доске. — Гуськом

тянутся обреченные на заклятие. Уроков не знают. — Похвально, похвально, а дубину (единицу) хочешь?

— Николай Петрович, я не мог приготовить, голова болела, — мычит какой-нибудь камчадал.

В классе тихо. Уныние распространяется среди рядов начинающих «закачивать» себя кадет. Вдруг раздается повестка. О, счастье! Моментально все загудело и летит вон из класса. В пятиминутную перемену что-то невероятное происходит в коридоре.

Предприимчивость шалунов была удивительная. Однажды все отделение обратило внимание на озабоченность двух самых записных школяров; видимо, они были заняты серьезным делом; когда пришел учитель и все смиренно уселись по скамьям, то вдруг раздался глухой звон. Все кадеты радостно переглянулись: «здорово!» Преподаватель стал прислушиваться. Все смолкло. Но лишь только он приступил к занятиям, как звон вновь повторился. Желая моментально обнаружить проказника, он приказал всем поднять руки. Приказание исполнено, но звон стал еще громче, и теперь мы поняли, что звук выходит из шкафчика, стоявшего в створе от ученических скамей, подле кафедры.

Преподаватель бросился в коридор и скоро вернулся с Адамом. Мы встали, вытянулись и безмолвствовали, а звон не прекращался.

Вслед за Адамом каптенармус Тишлер подкрался к шкафчику и открыл там медный подсвечник. Доньшко изображало колокол, а языком служила вывинченная верхняя часть подсвечника. К языку был проведен искусно шнур, другим концом привязанный к ноге школяра... Высекли; но зато даже и старшие кадеты приходили смотреть знаменитый шкафчик.

Ротный командир, капитан Адам Осипович, в сущности, был не злой человек, но считал нужным как можно строже подтягивать неранжированную роту; кадетам от него доставалось немало, причем некоторые ходили для расправы «в цейнгауз»... В кадетских разговорах капитан шел просто за «Адама»; жену же его окрестили «Евой». Если случалось Адаму увидеть насупившегося новичка, не шалуна, то он ласково беседовал с мальчиком, старался приободрить, иногда даже приглашал к себе на квартиру обедать. У Евы были какие-то целебные капли, которыми, случалось, она угощала недомогавших кадетиков.

Лучших учеников в каждом «отделении» назначали «старшими», которым предоставлялось следить во время отсутствия преподавателя за порядком, записывать виновных, донося об этом начальству. Кроме этого, на старшего возлагалась обязанность получать для кадет новые тетради взамен исписанных. Во избежание вторичного представления вахтер Бондаренко прокалывал большой булавкой законченную тетрадь.

В 12 часов нас вели в зал, куда приносили корзину с кусками черного хлеба. Служитель шел между шеренгами, и каждый кадет мог взять один кусок; но ловкачи ухитрялись выловить два и даже три.

— Славные сухари будут, в трубе высушу... слышался в строю шепот счастливецца.

Строевые занятия в нашей неранжированной роте ограничивались так называемой «одиночкой» и маршировкой.

После занятий весной и осенью приятно было вырваться в сад или на плац, но поздней осенью и зимой водили по городу, по улицам. По узким, обмерзшим деревянным тротуарам торжественно тянулась длинная, черная цепь кадетских пар.

Разносчики и торговки с лотками и корзинами ловко укрывались от глаз начальства и умудрялись продавать нам незамысловатые лакомства.

После гулянья несколько кадет обязательно двигались в цейхгауз для примерки платья и сапог. Последние шили не по мерке. Приходилось выбирать из громадной кучи и ссориться с каптенармусом. Но пререкаться долго некогда, слышна повестка к обеду. Некоторые озабочены своим туалетом, стремятся примочить водой вихры и почистить куртку.

Мерно раздаются шаги четырех рот, марширующих по коридорам к столовому залу. Лестницы расстраивают строй, слышится разговор, дежурному не видно, кто шалит, прыгает по ступенькам, а иной рискует спускаться по перилам. С верхней площадки раздается окрик: «не разговаривать, идти в порядке! При входе в залу стоит батальонный командир, роты подтягиваются, «берут ногу» и, стройно отбивая ногами такт, втягиваются в промежутки между длинными столами. По сигналу на молитву из первой роты доносится басистый запев: «Очи всех», ближайшие соседи подхватывают «на Тя», и уже слова «Господи, уповают», — громко выкрикиваются всем корпусом. Молитва окончена, и треск барабана сливается с шумом отодвигаемых скамеек. Из буфета, соединенного аркой со столовой, вылетает целая фаланга служителей с дымящимися оловянными мисками. Славно, если борщ; а вдруг манный суп с перьями, брррр... На второе очень бы хотелось получить блюдо, называвшееся бифштексом. Котлеты из вареной говядины и поджаренные куски вареной же говядины не одобрялись кадетами. Что-то будет сладкое? Отлично бы слоеный пирог с вареньем, хорошо бы и гречневую кашу с маслом. Две ягодки вишневого варенья помещались поварами сверху слоеной лепешки, и большинство кадет, лакомясь пирогами, осторожно обходило вишни, сберегая их до последнего, рокового глотка... Масло через небольшое отверстие в особой машине выдавливалось в виде закругленной палочки и разрезалось на небольшие порции. Процедурой этой,

а равно и резкой хлеба занимался буфетчик Михеенко. У него можно было пожить горушкой и до обеда, но в буфет запрещалось ходить. Держалась легенда об одном кадете, который смело прошел по карнизу целого громадного этажа, через окно влез в буфет и заполучил «две здоровых горушки» от Михеенки.

Возвращение от обеда было всегда довольно шумное. Окрики насытившегося дежурного слышались реде.

Что было для нас утомительно — это послеобеденные лекции. Голова работала плохо. Сонливо сидели бедные кадеты, пригвожденные, вместо отдыха, к классной скамье. В эти часы обыкновенно набиралось гораздо более неудовлетворительных отметок, чем поутру.

В послеобеденное рекреационное время устраивались игры. Играли в чехарду, в жугуты, прыгали через табуретки. На сравнительно небольшом пространстве толпилась сотня мальчиков, желавших расправить свои члены и задать гимнастику легким. Шум, гром, крики, вопли — все это не смолкает вплоть до начала вечерних занятий. Привычный к кадетскому гаму дежурный офицер и тот удалялся в коридор, по которому чинно расхаживали «примерные» воспитанники. Иногда туда же выскакивали не сдержавшие свой пыл шалуны; бедные! Они летели, как бабочки, прямо на огонь. Дежурный неумолим и моментально направлял их «на середину»... Пренебрежительно и глупо стоять смиренно под лампой в то время как вокруг шмыгают и дразнят товарищи. Подходили к офицеру и обиженные кадеты с жалобами: «Он меня, Роман Иванович, ударил; запретите ему драться...»

— Я его не трогал, он сам пристаёт...

— Пошли оба «на середину!» А ты еще разговаривать?!.. Вот я тебя в карцер отправлю, — коротко и справедливо решает дежурный.

Преподавание в классах еще могло считаться сносным, но зато приготовление к урокам было обставлено печально.

В ротном рекреационном зале стояли подле стен длинной вереницей крашенные столы на 8 человек каждый.

Своеобразный гул носился по громадной комнате, тускло освещенной двумя висячими масляными лампами, кроме того, на столах кое-где виднелись казенные стеариновые свечи. При такой полутьме трудно было заниматься, приходилось покупать свечи, а если не было денег, то выменивали огарки за булку. Впрочем, многие кадеты ухитрялись и при казенном освещении читать и писать.

Дежурный офицер, затаенный в мундир, или дремал в углу над романом, или похаживал по залу, поглядывая, чтобы кто-нибудь не посмел встать со своего места.